

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДУЩЕГО

Юр. ЗУБКОВ

ПИСАТЕЛЬ свежего и большого художественного таланта, остро воспринимающий драматизм «процессов разрушения и созидания» (А. М. Горький), характеризующих современную действительность, новосибирец Виктор Лаврентьев сразу же и уверенно заявил о себе как о драматурге не местного, а повсеместного, всесоюзного. Пьесы его обладают несомненным качеством литературности, вызывают живой интерес у самых разных читательских кругов. Однако к баловням театральной фортуны Лаврентьева вряд ли отнесешь. У театров и в первую очередь у режиссеров его пьесы часто, как это ни парадоксально на первый взгляд, рождают боязнь и недоверие.

Жалующиеся из года в год на недостаток интересных, глубоких пьес о современности, театры наши упорно обходят драматургию Лаврентьева стороной. А ведь кроме ранней пьесы писателя «Кряжевы», посвященной событиям, успевшим стать историей, все остальные рисуют картины современной действительности, жизнь современного человека. И, как подлинные произведения искусства, не стареют, а продолжают волновать и многие годы спустя после своего рождения.

Писатель, побывавший еще в период довоенных пятилеток на многих крупнейших стройках Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, прошедший нелегкий путь артиллерийского разведчика на фронтах Отечественной войны, корреспондент «Советской Сибири» и «Труда» в послевоенные годы, Лаврентьев неотделим от современности, от жизни народа, от проблем, к которым приковано внимание общества сегодня и которые в значительной мере определяют его завтрашний день.

Несценичностью — вот чем обычно объясняют сами театры, режиссеры свое настороженное, опасливое отношение к лаврентьевским пьесам. О какой, однако, сценичности идет речь? Не о той ли, которую многоопытные и глубокий мастер театра, открывший не одно драматургическое дарование, Вл. И. Немирович-Данченко характеризовал как «слишком мелкое и узкое понятие», как «пугало для всякого писателя»? Не о сценичности ли, при которой за выигрышными, «верняковыми» драматургическими ситуациями обнаруживаются не реальная жизнь, ее противоречия и конфликты, а готовые, многократно опробованные театральные эффекты и приемы, набор давним-давно используемых трафаретов и штампов?

Вполне естественно, что не все пьесы Лаврентьева равноценны. Но даже и в тех произведениях, в которых драматургу не удалось полностью выразить свой замысел, в зерне самого этого замысла обнаруживается содержательная, серьезная идея.

Вероятно, уже в самой коллизии драмы «Любовь незнакомца» (названию, будем откровенны, явно недостаает акулы) можно обнаружить и нарочитость, и искусственность. Двое мужчин, Радугин и Логинов, похожие друг на друга, как близнецы, перепутали документы. В результате аварии один из них оказывается тяжело контуженным — он утратил память. По документам же его все принимают за другого, за двойника. Возникает невероятная путаница, счастье, впрочем, разрешающаяся к финалу. Однако в этой основанной на случайности, недоразумении пьесе заложена важная и значительная мысль. Мысль о том, что человек всегда, в любых ситуациях, в самых трудных для себя условиях должен оставаться самим собой. Жаль только, что для выражения этой

мысли драматург не нашел убедительного художественного способа.

Впрочем, говоря о настороженном отношении театров к драматургии Лаврентьева, я имею в виду не пьесы типа «Любовь незнакомца», а лучшие произведения писателя, такие, как «Светлая», «Они продолжают путь», «Где-то совсем рядом». Да и с постановкой последней лаврентьевской пьесы «Человек и глобус» театры особенно не спешат. Не найдя к драматургии Лаврентьева своего ключа, они незаслуженно выводят ее за рамки репертуарной афиши.

Между тем совсем не в «сценичности» или «несценичности» той или иной пьесы следует, на мой взгляд, искать причину трудной театральной биографии лаврентьевской драматургии. А в том, что его пьесы, особенно лучшие из них, действительно трудны для постановки. Они требуют обостренного внимания и интереса не к тем или иным сценическим ситуациям как таковым, не к их внешней выигрышности или невыигрышности, но к явлениям общественной жизни, которые побуждали писателя взяться за перо, к его гражданским мыслям, к философскому содержанию его творчества.

Еще А. П. Чехов высказывал мысль о том, что при всем тематическом и сюжетном разнообразии произведений писателя в них, если автор по-настоящему талантлив и значителен как личность, всегда можно обнаружить его особую, неповторимую индивидуальность. Эта авторская индивидуальность и обнаруживается в пьесах Лаврентьева, философская сущность которых составляет их глубоко скрытое, но сильное «подводное течение», а не декларируется автором обнаженно и прямолинейно. Сущность эта, произносящая всю художественную ткань произведения, требует особенного внимания и чуткости режиссеров и актеров, без чего она так и может остаться книгой за семью печатями.

Мысль об ответственности перед будущим — центральная в лаврентьевском творчестве. Мысль эта напряженно пульсирует в каждой из лучших пьес писателя, позволяя ему рассмотреть за частными судьбами людей общие процессы, характеризующие время и его движение, внутреннюю, естественную связь между поколениями. Именно эта мысль и сообщает произведениям Лаврентьева внутреннюю масштабность, партийную страстность, значение правдивых и важных художественных документов эпохи.

В остром поединке схватываются геолог Георгий Илюхин и Олег Лубенцов — герои пьесы «Светлая». Идет Отечественная война, и Илюхин мучительно переживает свое пребывание вдали от фронта, на сибирской реке Светлой, где в будущем должна быть воздвигнута мощная гидроэлектростанция. Ему трудно — и физически, и морально. Делая нужное, неизбежное для завтрашнего дня страны дело, определяя место будущего строительства, Илюхин чувствует себя неоплатным должником тех, кто на фронте воюет «на огне, в дыму».

Лубенцов же счастлив, что избежал фронта. Ему важно одно — выжить, по-выгоднее устроиться, а суть изысканий, суть научных споров, разветвляющихся вокруг будущего строительства, его не волнует. Жена его — на фронте, он находит другую женщину. Возвращается демобилизованный Аня, он готов, боясь расправы, отказаться от Марины — новой жены... «Вы — паностник», — говорит Лубенцову в минуту гнева Илюхин. — Вы целиком, всеми своими потрохами, хотите одного — поменьше давать, побольше получать. Висеть гирей на шее государства. Все свои права вы усвоили назубок, но о долге не помышляете...»

С большой любовью выплывает драматург образы людей труда, создавая в пьесе суровый, мужественный и поэтический коллективный портрет народного труженика. Народа, чьи повседневные, будничные, вроде бы и не приметные

дела окрылены дерзкой мечтой, пронизаны светом романтики и поэзии. Тихо говорит Илюхин, услышав майским утром сорок пятого года сообщение о капитуляции фашистских войск: «Пусть пройдут года, а заплещут на нашем море веселые волны, поплывут пароходы, а там, в горах, в самой глуши, где лежат нужные людям богатства, вспыхнет свет. Заработают новые, большие рудники, построят города. Ничего, что, может быть, про нас в те дни и не вспомнят. Не дожид Фролов, ушла Таня, дадут, возможно, отставку мне, но наша правда одолеет».

Правда и поэзия, правда и коммунистическая нравственность в глазах Лаврентьева нерасторжимы между собою, ибо все эти понятия живут на одном и том же — на труде. Созидательном труде во имя общества, во имя его нынешнего дня и дня завтрашнего. И хотя у героя пьесы «Они продолжают путь» Ивана Буданцева иная судьба, нежели у Илюхина, они сродни друг другу. Каждый из них — человек долга и подвига. Подвига неброского, нешумного, не спешащего громогласно заявлять о себе, но требующего от человека всех его душевных и физических сил, всего его без остатка.

Сложным, многосторонним и внутренне противоречивым характером наделяет автор Ивана Буданцева, бесменно пробывшего на посту председателя колхоза четверть века. Нет в этом характере ничего от стариковской умирленности, от стариковской мудрости, порой выставляемой напоказ. Душевность и нежность Буданцева старательно прячет — словно эти черты и признаки человеческой слабости — и от жены, и от дочери, и от друзей. На поверхности выступают лишь буданцевская колкость и нетерпимость, порой даже грубость, неуживчивость, излишняя прямолинейность. Но таянется в этом неутомимом, ершистом человеке люди, открывают ему свои сердца.

Чувствуют в старом воле бесполомного, одержимого мечтателя. Олицетворяет он для окружающих их собственную совесть, им поверяют они свои поступки, жизнь свою — его жизнью.

В финале пьесы Буданцев умирает — снашивается годами, болезнью сердца, неумением беречь себя в схватках с людьми, привыкшими жить только для себя. Людям же этим — Якову Задорожникову, Елене Федоровне — скоростная смерть не угрожает. Но в том-то замысле автора и состоит, чтобы через внутреннее одиночество показать духовное умирание людей, чуждых нашим мечтам, поискам, свершениям. Путь этих людей нинто не продолжит, а путь Буданцева продолжат многие — дочь его Вала и ее подружка Даша Грачева, парторг колхоза Ушанов, подавшийся из города в деревню рабочий Геннадий, шофер Луша, архитектор Тихонов... Нелегко их дороги, небезоблачно над ними небо. Но частица всегда юной и страстной души Буданцева, огонек его веры, святого беспокойства восприняты ими, стали их сущностью...

Пьесы «Кряжевы» и «Чти отца своего...», как и «Они продолжают путь», — это семейные драмы. Однако рабочее семейство Кряжевых и Кичигиных не есть нечто замкнутое в самих себе, изолированное от окружающей среды. Жизнь властно вторгается в быт этих семей, по-своему поворачивает и направляет их судьбы.

Да, драма «Кряжевы», действие которой происходит на протяжении почти трех десятилетий — с 1903 года по 1932-й, воссоздает события, ставшие ныне для нас историей. Но как свежо и современно звучит пьеса сегодня! Идея служения революции, защиты ее завоеваний, строительства нового мира, определяющая все действия главных героев произведения — Надежды Кряжевой и Петра Гладышева, Ольги, Антона и Скворцова, близка людям сегодня. Понимая, что ради нас, нынешних, шли Петр и Надежда в ссылки, не щадили себя ни в боях с белогвардейцами и интервентами, ни воздвигая на пустырях корпуса новых громадных заводов, мы сегодня меряем свои дела и решения их делами и решениями, своей жизни — их жизнью.

Примечательно, что, рисуя образы профессиональных революционеров, партийных работников, Лаврентьев и в этой пьесе развивает тему, которую выразил он в названии пьесы об Иване Буданцеве — «Они продолжают путь». Они — это молодая поросль, дети революционеров, родившиеся в ссылках и в ссылках проводившие детство. Они подхватывают эстафету отцов и матерей, также чувствуя себя причастными великому делу рабочего класса.

«Пусть будет — счастье, трудности, борьба», — говорит в финале пьесы Илава, дочь погибшего большевика Антона. — Я знаю, что выдержу все, какие ни выпадут, испытания. Не отступлю, не согнусь».

Тема преемственности поколений развивается и в драме «Чти отца своего...», действие которой происходит уже в наши дни. Лежит непроходимый рубеж между моралью старшего Кичигина, Гордея Павловича, собственника, кулака в душе, и моралью сына его — Трофима Гордеевича, гордого своей принадлежностью к рабочему классу, дви-

жимого в своих решениях главной мыслью — так нужно для людей. Дети старого рабочего Трофима — Максим, Ирина, Севка — новое, растущее поколение советской интеллигенции. Но мораль отца, мораль рабочего класса — это и их мораль, их сокровеннейшие убеждения. И подвиг Максима, сознательно пошедшего на риск во время научного опыта, естественно вырастает из этой морали. Как определяется этой моралью и отношение матери, Софьи Ивановны, к поступку Максима? И горько ей, неизмеримо горько от сознания, что годы Максима сочтены, и ясно сознает она, что по-другому он поступить не мог, сама она, отодвинувшись в сторону, уступил опасное место товарищу, презирала бы сына, жизнь свою считала бы прожитой зря...

Отдавая должное достоинствам драмы «Чти отца своего...», я все же должен сказать, что и по своим внутренним масштабам охвата и осмысления событий, и по глубине и емкости своего философского содержания она, на мой взгляд, заметно уступает таким лаврентьевским пьесам, как «Где-то совсем рядом» и «Человек и глобус». Пожалуй, а «Чти отца своего...» драматург отдал наибольшую дань этой самой пресловутой сценичности, основывающейся здесь на известном мелодраматизме ряда ситуаций. В других своих произведениях Лаврентьев обычно бывает сдержаннее, суровее, глубже.

Проследивая в пьесе «Где-то совсем рядом» судьбы самых различных людей — академика Смолина, директора совхоза Софьи Михайловны, врача Маши, вчерашнего колхозника, прирожденного хлебороба Анисима Ермолаева, драматург развивает мысль о том, что настоящее никогда не существует само по себе — в нем непременно скрещиваются и противостоят, порой жестоко схватываются между собой вчерашнее и завтрашнее. Противоборствуют и схватываются — в большом и в малом, в делах человеческих и в человеческих судьбах.

А судьбы эти неотделимы от судеб всего нашего общества, судеб страны. Вопросы, волнующие героев драмы, хотя не все из них порой эти сознают, обладают широкой общественной значимостью. Изыскания академика Смолина, стремящегося мобилизовать с помощью атомной энергии естественное тепло земли и резко повысить урожайность, не только кровно затрагивают личные интересы и личную судьбу каждого из героев пьесы, но и являются тем оселком, на котором проверяются нравственные качества и душевная ценность человека.

Идея преемственности поколений предстает в этой драме как идея преемственности времен. Только преемственность эта не обозначена прямой восходящей линией. Развитие идет диалектически, в противоборстве внутренних противоречий, скачкообразно, со взлетами и перерывами.

Из далеких времен принес Анисим Ермолаев мечту о сказочных урожаях. Мечту, овеянную ленинской идеей преобразования страны и всей жизни народной. Кажется, сегодня, когда земледелие и наука заключают между собой новый, невиданный прочности и эффективности союз, мечта эта близка и осуществлению. Но еще бродят по земле трусливые и эгоистичные люди, вроде чуждого земле агронома Краснощекова, люди, пышущие злобой по отношению к новым советским жизненным устоям, такие, как Терентий. И погибает во время пожара, устроенного Терентием, Анисим Ермолаев... Но мечта его остается, и о ней говорят люди в час рассвета, стоя у еще свежего пепелища...

Внутренне перекликается с драмой «Где-то совсем рядом» пьеса «Человек и глобус». Именно «ради жизни на земле», ради осуществления идей академика Смолина и мечты хлебороба Ермолаева живет, ищет, трудится герой этой пьесы выдающийся советский ученый-атомщик Бармин. Посвящая свою жизнь идее создания мощнейшего оружия, Бармин думает о безопасности социалистической Родины, о мирном труде своих соотечественников на благо всего советского общества...

Так от пьесы к пьесе и раскрываются художественная индивидуальность В. Лаврентьева, его творческие идеи, стремление к философскому осмыслению жизни, тема ответственности перед будущим как генеральная тема всего творчества талантливого художника.

Время — страшнейший и справедливый экзаменатор для любого художника. Драматургия Лаврентьева, лучшие его пьесы вселяют твердую уверенность в том, что он этот экзамен выдержит успешно. Но тем более важно подчеркнуть, что наши театры в серьезном и двойном долгу — и перед драматургом, и перед зрителем. Самое время театрам сегодня платить этот долг, ибо решение важнейших идеологических задач, поставленных перед нашим искусством апрельским Пленумом Центрального Комитета партии, требует драматургии значительной — и идейно, и художественно. А именно такую драматургию и представляют пьесы Виктора Лаврентьева.

Виктор ЛАВРЕНТЬЕВ.